

Нет автора

Русская старина

1878. 1_4

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1878. 1_4 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 761 с.

ISBN 978-5-458-02772-4

ISBN 978-5-458-02772-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пораженіе было на глазахъ у цесаревича и не ускользало отъ его личнаго контроля. Онъ входилъ во всѣ подробности службы и солдатскаго быта. Цесаревичъ всегда прочитывалъ даже дневные рапорты и дѣлалъ на нихъ карандашомъ помѣтки, имѣвшія послѣдствіемъ какое нибудь практическое улучшение въ быту войскъ. При постоянныхъ занятіяхъ по военной части, онъ не имѣлъ возможности, даже если бы и желалъ, посвящать достаточно времени на дѣла гражданскаго управленія. О томъ же, что занятія эти были хотя и не всегда важны, но тѣмъ не менѣе продолжительны, можно заключить изъ того, что, на примѣръ, подписываніе и провѣрка паспортовъ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ отъ службы, брала въ началѣ каждаго года у цесаревича — какъ это видно изъ одного его письма къ *Θ. П. Опочинину*—иногда 34 дня сряду, а между тѣмъ онъ не хотѣлъ никому передавать эту утомительную, чисто-канцелярскую работу. Ему приходилось также употреблять много времени и на просмотръ поступавшихъ къ нему лично просьбъ, а ихъ оказывалось у него не мало по самымъ разнороднымъ предметамъ. Такихъ просьбъ было подано ему въ 1827 году 1,148, а въ слѣдующемъ, 1828 году—1,318.

Замѣтимъ прежде всего, что въ то время, когда великій князь смотрѣлъ на безусловную покорность военныхъ какъ на первое условіе ихъ службы, онъ проводилъ нѣсколько иные взгляды на отношенія внѣ военно-служебныхъ сферъ. Еще будучи женихомъ, онъ, въ разговорѣ съ матерью своей невѣсты, высказывалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые гонятся за милостіями высокихъ особъ, и выражалъ опасеніе, чтобы старшій братъ его не подпалъ подъ ихъ вліяніе. Онъ обнаруживалъ свое неудовольствіе при видѣ оказываемыхъ ему личныхъ услугъ, и однажды, во время ужина у герцогини Саксенъ-Кобургской, когда дежурный пажъ захотѣлъ служить ему, цесаревичъ сказалъ пажу по французски: „прошу, сударь, васъ не беспокоиться; мнѣ непріятно думать, что дворянинъ, который мнѣ будетъ послѣ товарищемъ, стоитъ у меня за стуломъ“.

Такое понятіе о различіи взаимныхъ отношеній по службѣ и внѣ ея сохранилъ цесаревичъ во всю свою жизнь: ни гражданскіе чиновники, ни обыватели Царства Польскаго вообще, не имѣли никакого повода жаловаться на его строгое или надменное съ ними обращеніе, тогда какъ вся его суровость была направлена на войско. Поэтому если войско было раздражено имъ, то вообще населеніе Царства, хотя и недовольное господствующими порядками, не пытало лично къ великому князю непріязни, и скорѣе сочувственно, нежели враждебно, относилось къ нему.

Для общей характеристики политическихъ взглядовъ цесаревича

мы приведемъ нѣкоторые высказанные имъ самимъ мнѣнія и понятія.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Лагарпу онъ говорилъ: „я дѣлаю себѣ столько же чести и славы, дѣйствуя вопреки моему мнѣнію, какъ если бы я дѣйствовалъ согласно съ онымъ. Недовольные никогда не найдутъ поддержки и сборнаго пункта около меня. Напротивъ, я всячески буду стараться обратить ихъ къ слѣдующему повиновенію своему государю“. Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ Лагарпу же, но нѣсколько позднѣе, онъ, по поводу возстанія грековъ, сообщалъ такое съ своей стороны мнѣніе: „сожалѣя объ участи грековъ, я не нахожу ихъ дѣло справедливымъ, и не могу допустить въ моихъ принципахъ эманципацію народа посредствомъ возбужденія у сосѣда или ближняго, и поддерживать ее, не вызывая подобныхъ событій у себя, гдѣ, конечно, ихъ даже не потерпѣли бы и гдѣ употребили бы самыя энергическія средства, чтобы подавить ихъ. Съ которыхъ поръ великіе поборники греческаго дѣла и либералы—какъ ихъ нынѣ называютъ—сдѣлались такими христіанами, что съ такою ревностью защищаютъ дѣло св. креста? Начните прежде у себя и эманципируйте прежде своихъ, чѣмъ поддерживать эманципацію другихъ“.

Относительно правъ печати—Константинъ Павловичъ высказывалъ слѣдующее мнѣніе: „печатайте чтó угодно, но скажите тому, про кого вы печатаете, источники, откуда вы почерпнули, дабы онъ могъ найти удовлетвореніе, если оскорбленъ или обиженъ. Всякій безъименный авторъ подль, ибо онъ скрывается за тайною, чтобы дѣлать зло и вредить, а затронутые имъ принуждены прибѣгать къ личному и непозволенному мнѣнію и поставлены въ необходимость личной защиты“. Само собою разумѣется, что такой взглядъ относится исключительно къ личнымъ оскорбленіямъ въ печати, но не къ той свободѣ, при которой она получаетъ вліяніе на политическіе вопросы. Намъ не пришлось встрѣтить мнѣнія цесаревича собственно по этому предмету, но надобно полагать, что онъ, любя покорность безъ разсужденій и привыкнувъ самъ къ пассивному повиновенію, невыносливо бы смотрѣлъ на вмѣшательство печати въ дѣла политическаго свойства. Вообще же онъ отличалъ слова отъ поступковъ и по поводу обвиненія подполковника Лунина, вызывавшаго его нѣкогда на дуэль, писалъ въ Петербургъ: „статья могла, что онъ (Луининъ), находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что либо на счетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ—даже его императорское величество изволить припомнить, что мы иногда сами между собою, стгоряча, недодумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда въ рѣчахъ умѣренными,—но это еще не означаетъ какаго либо вреднаго намѣренія“.

Константинъ Павловичъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякихъ безимянныхъ доносовъ и писемъ, говоря, что если вѣрить имъ, то пойдутъ большія неприятности и несправедливости, „ибо самая ракаля можетъ очернить и сдѣлать вредъ невиннымъ или честнымъ людямъ“.

Не смотря на свои принципы, во многихъ и даже въ большинствѣ случаевъ не слишкомъ подходившіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, Константинъ Павловичъ, слѣдуя духу времени, принадлежалъ къ масонамъ, но, какъ онъ самъ писалъ Лагарпу, сдѣлалъ это съ разрѣшенія императора Александра Павловича, и прибавлялъ, что въ послѣдствіи, когда вышло запрещеніе принадлежать къ какимъ либо тайнымъ обществамъ, онъ тотчасъ оставилъ масонство.

Послѣ всего, что мы сказали вообще о политическихъ взглядахъ великаго князя, любопытно будетъ посмотрѣть на примѣненіе имъ этихъ общихъ взглядовъ къ положенію Польши.

Прежде всего онъ въ этомъ отношеніи дѣлалъ различіе между мечтами поляковъ и попытками осуществить эти мечты. „Полякамъ,— писалъ онъ Опочинину,—желать все, что содѣйствуетъ ихъ возстановленію, можно, и сіе желаніе ихъ признать должно естественнымъ; но дѣйствовать имъ, въ какомъ бы то видѣ ни было, не позволительно, ибо такое дѣйствіе есть преступленіе“.

Цесаревичъ былъ увѣренъ, что „дѣйствія среди поляковъ не принимаются“ и что если они хотятъ присоединенія къ Царству прежнихъ областей королевства Польскаго, то это потому, что они видятъ уже подобный примѣръ. По поводу этого Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину для доклада государю слѣдующее: „всѣ они (поляки) однѣхъ мыслей и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій; но чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній, а, напротивъ, весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслию только какого нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, и наиболѣе примѣръ утврждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи и сдѣлано было, подобно Царству Польскому, Великое Княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой, слѣдовательно, и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить на счетъ сего какое либо мое собственное заключеніе, но только, когда таковой примѣръ мнѣ выставляютъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что мнѣ на оное отвѣчать?“

Оправдывая съ своей точки зрѣнія мечтанія поляковъ, Константинъ Павловичъ въ частности выказывалъ большое нерасположеніе

въ римско-католическому духовенству, но собственно за то только, что оно, какъ онъ полагалъ, хотѣло составить въ Польшѣ, по выраженію его, „status in statu“. Когда въ виду дряхлости и недуговъ митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевича, государь просилъ великаго князя Константина Павловича указать преемника митрополиту, то цесаревичъ сообщилъ, что, кромѣ лучшаго епископа, 70-ти лѣтняго старца, Цецишевскаго, человѣка почтеннѣйшаго и отлично уважаемаго не только своимъ духовенствомъ и католиками, но и русскими,—онъ не знаетъ никого даже въ Варшавѣ изъ католическихъ духовныхъ, кромѣ военныхъ священниковъ, и что всегда старался держать себя подалеже отъ католическаго духовенства и не имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Особенное сочувствіе цесаревичъ питалъ къ польской арміи, полагаясь преимущественно на вѣрность и преданность ея главныхъ представителей. Въ 1826 году онъ отзывался объ нихъ предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ слѣдующихъ словахъ: „я ручаюсь за польскихъ начальниковъ; они умѣютъ чувствовать милость государя. Дай Богъ только, чтобъ другіе умѣли это чувствовать какъ они!“ Другой разъ онъ выразился такъ: „совершенно увѣренъ во всѣхъ войскахъ и начальникахъ частей, подъ командою моею состоящихъ; имъ нечѣмъ другимъ заниматься какъ только службою“.

Между тѣмъ, положеніе цесаревича, какъ неофіціального правителя Царствомъ Польскимъ, „облеченнаго властью вполне диктаторскою и неограниченною“, по собственнымъ словамъ его въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, 7-го (19) февраля 1830 г., „становилось весьма щекотливымъ и труднымъ“. Въ этомъ письмѣ, по поводу князя Антона Яблоновскаго, замѣшаннаго въ вредныхъ замыслахъ противъ правительства, цесаревичъ писалъ слѣдующее: „желая только повноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ благодѣтелемъ моимъ на счетъ этой страны и возможнаго образа дѣйствій, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную комиссію, наблюденіе и направленіе которой останется подъ моимъ надзоромъ“. Упомянувъ о томъ, что въ составъ этой комиссіи вошли: Новосильцевъ, Курута, Кривцовъ, Колзакъ, Моренгеймъ—какъ русскіе, а Замойскій, Соболевскій, Гауке, двое Грабовскихъ и Розенштраухъ—какъ поляки, и замѣтивъ, что это люди различныхъ цвѣтовъ и убѣжденій, прибавлялъ, „что слѣдствію должна быть дана наибольшая гласность“ и что „всѣ подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени; а такъ какъ мы,—заклучилъ цесаревичъ,—подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго прав-

ленія и болѣе входить въ строй“. Составленіе предположенной коммисіи было разрѣшено государемъ.

Въ такомъ поддержаніи законности Константинъ Павловичъ не былъ однако устойчивъ. Въ 1830 году, онъ требовалъ безусловно строгихъ мѣръ противъ „интригановъ“, дѣйствующихъ въ Петербургѣ, причисляя ихъ къ тѣмъ людямъ, которые стремятся къ тому, чтобы соединить Литву съ Царствомъ Польскимъ. Императоръ Николай Павловичъ не удовольствовался однако такимъ голословнымъ обвиненіемъ и „желая имѣть что либо положительное, которое доказывало бы подобный замыселъ, и кто именно тѣ лица, дабы учинить наказаніе достойное и съ тѣмъ вмѣстѣ справедливое и согласное съ закономъ“. Сообщая объ этомъ цесаревичу, Опочининъ, 4-го февраля 1830 года, писалъ ему: „я бы на вашемъ мѣстѣ поступалъ болѣе, нежели когда нибудь, осторожно, дабы самымъ видомъ показывать истину, отчуждая всякаго рода предположенія. Симъ способомъ отымите у людей неблагонамѣренныхъ всѣ средства къ вознямъ, ибо законное веденіе и сужденіе дѣлъ докажетъ истину и лишитъ средствъ людей тѣхъ распространять, что вы поступаете „арбитражно“. Опочининъ старался выяснить Константину Павловичу, что если онъ предполагаетъ, что интриганы имѣютъ въ Петербургѣ такое сильное вліяніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ надобно предположить, что правительство допускаетъ это по своей слабости. „Сіе,—писалъ Опочининъ,—неминуемо должно огорчить государя, который—какъ и вы—увѣренъ, что труды его неуспѣшны, и что мѣры, имъ принимаемыя, суть самыя дѣятельныя. Изъ сего слѣдуетъ неминуемо, что таковыя предположенія, когда они не основаны на ясныхъ доказательствахъ, пользы не приносятъ и умножаютъ искру между вами неудовольствій къ совершенному торжеству людей неблагонамѣренныхъ“.

Въ Запискахъ своихъ („Рус. Ар.“ 1875 г.) графиня А. Д. Блудова замѣтила: „положеніе великаго князя и отношенія къ нему государя были такія особенныя, такія ненормальныя, что уступка желаніямъ старшаго брата была необходима“. Одна изъ такихъ уступокъ была особенно важна: императоръ Николай Павловичъ желалъ, чтобы польская армія приняла участіе въ турецкой войнѣ. Безъ сомнѣнія, такое участіе произвело бы на поляковъ самое благопріятное впечатлѣніе, польстивъ ихъ національному чувству, напомнивъ времена Собѣскаго, и сблизило бы ихъ съ русскими въ сраженіяхъ подъ одними знаменами. Кромѣ того, походъ польской арміи въ Турцію отвлекъ бы польскую молодежь отъ ихъ тайныхъ обществъ, среди которыхъ составлялись планы будущаго возстанія. Но Константинъ Павловичъ желая сохранить въ цѣлости польскую армію, находилъ,

что война портитъ войско, и, въ виду его противорѣчія этому предположенію, государь вынужденъ былъ уступить его желанію.

Другимъ новодомъ къ равномыслию между братьями было слѣдующее обстоятельство: императоръ Николай Павловичъ, уѣзжая изъ Москвы въ мартѣ 1830 года, оставилъ тамъ для разсмотрѣнія со стороны нѣкоторыхъ лицъ проектъ государственныхъ преобразованій, цѣль которыхъ, какъ писалъ А. С. Пушкинъ къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, клонилась къ тому, чтобъ оградить дворянъ отъ произвола чиновниковъ и предоставить новыя права мѣщанамъ и крестьянамъ. Этотъ проектъ, однако, не состоялся, вслѣдствіе несогласія со стороны Константина Павловича, которому государь, изъ братской любви и изъ уваженія къ старшинству, посмалъ на предварительный просмотръ всѣ важнѣйшія государственныя бумаги. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, кромѣ того, еще при Александрѣ Павловичѣ было заведено, чтобъ всѣ русскія посольства и миссіи, находящіяся при иностранныхъ дворахъ, посылали въ Варшаву для свѣдѣнія къ Константину Павловичу копии со всѣхъ ихъ депешъ. По отъѣздѣ великаго князя изъ Варшавы, поляки завладѣли этою перепискою, которая и была издана въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: „Portfolio“.

Отрекшійся отъ престола цесаревичъ сталъ въ отношеніи своего младшаго брата въ положеніе вѣрноподданнаго и, соотвѣтственно этому, выражалъ государю чувства полной покорности и безпредѣльной преданности. Онъ изъявлялъ почтительную благодарность императору за дозволеніе употреблять присланную ему на память печать покойнаго государя; почтительно благодарилъ за присылку доставшихся ему, при раздѣлѣ, восьми лошадей, изъ числа принадлежавшихъ императору Александру Павловичу, и за тѣ объясненія, которыя относительно его хотѣлъ внести императоръ Николай Павловичъ въ свой манифестъ на случай своей кончины. Въ письмахъ своихъ къ Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ просилъ повергнуть его къ стопамъ государя, что со стороны этого послѣдняго вызвало наконецъ слѣдующія слова, обращенныя къ Опочинину: „сдѣлай одолженіе—упроси брата, чтобъ онъ не повергалъ себя къ моимъ стопамъ“.

Между тѣмъ, великій князь началъ подозрѣвать, что находятся люди, которые хотѣли разстроить доброе согласіе между обоими братьями. Въ Петербургѣ стали на счетъ его ходить разные слухи, и отъ 29-го января 1826 года Опочининъ писалъ объ этомъ, на что цесаревичъ отвѣчалъ: „все, что вы сообщили мнѣ о неясныхъ слухахъ, распространяемыхъ на мой счетъ въ Петербургѣ, мало меня беспокоитъ: поведеніе мое слишкомъ безукоризненно, чтобъ кто нибудь могъ его запятнать“, и просилъ Опочинина письмо это показать го-

сударю. Къ слухамъ этимъ, враждебнымъ цесаревичу, прибавилось еще какое-то письмо тайнаго совѣтника Арсеньева, котораго, какъ писалъ цесаревичъ Опочинину—онъ не зналъ. Видно однако, что въ этомъ письмѣ говорилось о томъ, что будто-бы покойный императоръ съ цесаревичемъ „яко бы были въ общемъ заговорѣ“. „На сіе,—писалъ Константинъ Павловичъ,—надобно обратить вниманіе: не съ умысломъ ли пущено сіе письмо; ибо что касается до государя императора, такъ какъ онъ скончался, то и дѣло кончено, а я какъ живъ, то не хотятъ ли подать нѣкоторое сомнѣніе его величеству въ искренности моей, дабы вселить подозрѣніе; но я совершенно увѣренъ, что никому въ семъ не удастся“. Свою подозрительность въ этомъ отношеніи онъ выразилъ и въ другомъ письмѣ къ Опочинину, жалѣвая, что Опочининъ съ нѣкотораго времени сдѣлался чрезвычайно осмотрителенъ въ своей съ нимъ перепискѣ, и доискивался тому причины. На письмо это Опочининъ самымъ положительнымъ образомъ отвѣчалъ, что прежнее расположеніе государя къ цесаревичу не измѣнилось нисколько.

Изъ дальнѣйшей переписки Константина Павловича съ Опочининымъ открывается, что причиною его неудовольствій были не личныя отношенія къ нему государя, но тѣ новыя порядки, которые тогда стали заводиться въ Петербургѣ. По поводу этого онъ, 25-го декабря 1829 года, писалъ: „мудрено быть дѣлательнымъ и тянуться съ молодыми, коихъ правила и разумѣнія о вещахъ противны старымъ правиламъ и старымъ привычкамъ, а можетъ быть, и грубой законности и грубымъ предубѣжденіямъ, вкоренившимся въ продолженіе полустолѣтія“. Въ другомъ письмѣ, отъ $\frac{9}{21}$ -го января 1830 года, онъ выражался такъ: „пускай новыя будутъ дѣлать новое такъ, какъ мы дѣлали старое. Намъ, старикамъ, не догнать въ ловкости новыхъ“. Послѣ того, въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, онъ писалъ: „не привыкать мнѣ, въ мои годы и послѣ 30-ти лѣтней службы, къ новымъ порядкамъ, быть можетъ и великодушнымъ, но для меня непонятнымъ“. Въ этихъ письмахъ слышится брызгливое ворчаніе старѣющаго человѣка, привычнаго къ стародавнимъ порядкамъ и находившаго, какъ это всегда водится, старое житье-бытье лучше новаго....

Помимо однако этого, были еще особые случаи, раздражавшіе цесаревича. Такъ, онъ выражалъ негодованіе на то, что въ Петербургѣ обнаруживается какое-то покровительство лицамъ, которымъ удалось заручиться покровительствомъ генерала Бенкендорфа и князя Ливена. Лица эти были тѣ, которыхъ цесаревичъ, въ административномъ порядкѣ, удалил изъ мѣстъ ихъ жительства со времени

своего управленія западными губерніями. Они, какъ полагалъ цесаревичъ, выдавали себя въ Петербургѣ жертвами произвола и тамъ находили себѣ покровителя въ лицѣ князя Любенина— „человѣка—по отъезду цесаревича—тщеславнаго, способнаго на всякія подлости и униженія, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей и личныхъ выгодъ“. Въ такомъ положеніи дѣлъ онъ видѣлъ „интригу и заговоръ“ и находилъ, что „трудно будетъ подобрать однажды распущенныя возжи“. „Къ тому же,—добавлялъ цесаревичъ,—я слишкомъ хорошо вижу, что болѣе ужъ не пользуюсь прежнимъ довѣріемъ государя; недоумѣваю, чѣмъ могъ его лишиться: совѣсть моя чиста передъ Богомъ и людьми“. Подозрительность его въ это время доходила до того, что онъ видѣлъ „всѣ придирки и ловушки, чтобъ вывести его изъ терпѣнія и, если можно, выжить его“. Къ этому онъ прибавлялъ, что скоро будетъ восемь мѣсяцевъ, какъ онъ не получалъ, въ противность прежняго порядка, ни одной бумаги отъ нашихъ заграничныхъ посольствъ и миссій. „Это,— заключилъ онъ,— болѣе чѣмъ явное доказательство утраченнаго довѣрія“. Его волновало также и то обстоятельство, что теперь поднялись высоко тѣ люди, которые были ничтожны въ предшествовавшее царствованіе, но особенно сильное неудовольствіе возбуждало въ немъ дѣло какого-то мелкаго чиновника Эгерскаго-Каша, котораго онъ, какъ человѣка опаснаго, преслѣдовалъ въ Петербургѣ, но котораго императоръ Николай Павловичъ не признавалъ справедливымъ удалить оттуда со службы въ виду того, что Эгерскій велъ себя въ Петербургѣ весьма скромно, а потому государь повелѣлъ только: „имѣть за нимъ строгое наблюденіе“.

По поводу всего этого Опочининъ писалъ цесаревичу слѣдующее:

.... „Я нахожу, что положеніе ваше и брата вашего не естественно. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ; слѣдовательно, и обоюдныя ваши соотношенія должны быть необыкновенныя. Они должны быть основаны на любви самой чистѣйшей и душевной; отсюда проистекать должны неминуемо уваженіе, дружба, довѣренность и всѣ тѣ хорошія послѣдствія, которыя содѣлываютъ семейное благополучіе. Если же вы обоудно будете токмо критиковать дѣйствія другъ друга, сіе не породитъ вышеизложеннаго, напротивъ того, расторгнетъ современемъ всѣ связанныя между вами существующія узы ко вреду даже государства. Вы полагаете, что вы потеряли довѣренность; братецъ также можетъ полагать, что всѣ его усилія, клонящіяся къ добру, не получаютъ вашу апробацію.“

„Если нынѣ существующій ходъ дѣла не измѣнится, ядъ раздора, который теперь еще не опутителенъ, постепенно опутителемъ будетъ, взлетѣтъ желчь свою на васъ и на брата вашего къ совершенному

торжеству неблагонамѣренныхъ людей, буде такыя изверги подъ сводомъ неба за грѣхи наши существуютъ“.

Все это врямодушный Ѡ. П. Опочининъ передалъ и государю, хотя и могъ навлечь на себя гнѣвъ съ обѣихъ сторонъ. „Я страшусь, конечно, сего письма,—писалъ онъ Константину Павловичу,—но еще болѣе боюсь гнѣва Божія, который поставилъ меня въ сіе положеніе. а потому говорю неуклонительно правду“.

13-го (25-го) февраля 1830 года, цесаревичъ благодарилъ Опочинина за эти совѣты, „которые онъ—по словамъ его—умѣлъ цѣнить въ полной силѣ“. Въ отвѣтъ я ничего не имѣю сказать,—писалъ Константинъ Павловичъ,—какъ только то, что молчать и повиноваться не стая мнѣ учиться въ 51-й годъ отъ роду, приобыкнувъ къ оному съ самыхъ юныхъ годовъ жизни моеи. Я даю слово, что впередъ ни словесно, ни письменно жаловаться не буду ни о чемъ. Оправдываться мнѣ несовѣстно и пусть молчаніе мое послужитъ удостовѣреніемъ, что я не подкидывался ни къ кому, но излагалъ правду, какъ разумѣлъ. Впредъ мнѣ наука“.

Недовольный своимъ положеніемъ, цесаревичъ напустилъ на себя такую старость, какая пока къ нему еще не приближалась, хотя съ годами онъ дѣйствительно становился уже не тѣмъ молодымъ, какимъ былъ прежде. Въ былое время онъ цѣлый день не выходилъ изъ мундира, а теперь просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ спальнѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ, и, страдая ногами, онъ, когда-то лихой наѣздникъ, теперь съ трудомъ садился на коня.

Подхвативъ ходившую тогда между военными своеобразную поговорку князя П. И. Багратиона, составленную имъ на складъ грузинской рѣчи и примененную къ самому себѣ: „молода была—яничаръ была; стара стала—..... стала“, онъ безпрестанно, и на словахъ и въ письмахъ къ Ѡ. П. Опочинину, повторялъ ее. Ссылка на старость была у него съ 1826-го года постоянною темою. Въ февралѣ этого года онъ писалъ Опочинину: „старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора мнѣ въ какую нибудь Цуруканскую крѣпость въ плацъ-маіора, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты“. Цесаревичъ теперь безпрестанно твердилъ, что онъ ни на что не годенъ, что ему „пора убраться по-добру, по-здорову“, и однажды, коснувшись выхода въ отставку рижскаго генералъ-губернатора, маркиза Пауллучи, писалъ Опочинину: „онъ показалъ мнѣ примѣръ, что надобно дѣлать, и предупредилъ меня тогда, когда мнѣ бы слѣдовало показать ему оный“. Константинъ Павловичъ собирался уѣхать за границу и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Мысль удалиться изъ Варшавы онъ высказывалъ постоянно и—какъ сообщаетъ Д. В. Давыдовъ—хотѣлъ

просить у государя мѣсто военнаго губернатора въ Твери, въ память долголѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ великой княгини Екатерины Павловны. Когда же онъ узналъ о найденномъ въ бумагахъ польскаго генерала Князевича проектѣ: соединить Польшу въ прежнемъ составѣ подъ властью саксонской династии; Пруссіи, въ замѣнъ отошедшей отъ нея при этомъ территоріи, дать Саксонію, а чтобъ вознаградить Россію — сдѣлать Константина Павловича восточнымъ императоромъ, — когда онъ узналъ объ этомъ, то сказалъ: „дускай меня не считаютъ и оставлять въ покоѣ, мое мѣсто — развѣ въ хлѣбопашцѣ“.

XXI.

Ко времени воцаренія императора Николая Павловича поляки были уже достаточно подготовлены къ возстанію. Не даромъ намѣстникъ царства, князь Зайончекъ, писалъ императору Александру Павловичу, что партія Чарторижскаго похожа на заговоръ, хотя она и не заслуживаетъ этого названія, и что махинаціи ея могутъ разразиться не въ царствованіе его величества, но при его преемникахъ. Кромѣ партіи Адама Чарторижскаго и дѣятельности тайныхъ обществъ, предполагавшемуся въ Польшѣ возстанію содѣйствовали и другія еще обстоятельства. Заговоръ декабристовъ подавалъ полякамъ надежду, что они найдутъ поддержку и въ самой Россіи, среди проявившихся тамъ революціонныхъ элементовъ. Затѣмъ, война Россіи съ Турціею, отвлекшая значительныя наши силы за Балканы, внушала имъ надежду на болѣе вѣрный успѣхъ вооруженнаго возстанія. Но особенно вскружила имъ головы революція, происшедшая, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, въ Парижѣ и отозвавшаяся въ Бельгіи, поднявшею оружіе противъ господства голландцевъ. Всѣ ожидали общей европейской войны, при которой легко могъ быть поднятъ вопросъ и о Польшѣ. Вліяніе всѣхъ этихъ событій на поляковъ ускользнуло, однако, на первый разъ отъ вниманія цесаревича и онъ полагалъ, что въ Царствѣ Польскомъ не можетъ произойти ничего подобнаго народному возстанію. Отъ 29-го августа (10-го сентября) 1830 года онъ писалъ Опочинину: „слава Богу, у насъ все спокойно и, скажу, надежно къ воздержанію порядка. Рѣчи нѣтъ ни о чемъ — по всѣмъ свѣдѣніямъ, и все старое по старому и вновь ничего. Въ войскѣ духъ хорошъ и генерально насмѣхающійся надъ легкомысліемъ и вѣтренностію французовъ со товарищами“. Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ,